

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА СО СНОВИДЕНИЯМИ

Путь сновидения: от исполнения бессознательного желания к трансформационному процессу создания смыслов

А.И. Коротецкая

Коротецкая Аурелия Ивановна – психоаналитик, член Международной ассоциации психоанализа.

Психоаналитическая теория сновидений была представлена в рамках первой теории влечений З. Фрейда и не была достаточно приспособлена к новой топографической модели и к новой клинике, в которой преобладает само- и деструктивность. Из механизмов сновидения, описанных Фрейдом, особое внимание отдается изобразительной функции процесса сновидения – способности переводить в зрительные образы мысли, восприятия, мнестические следы, что позволяет субъекту интегрировать в собственное Я свою «память без воспоминаний».

Ключевые слова: работа сновидения, инстанция Я, регрессиентность, трансформация, изобразительная способность сновидения, пограничное функционирование, кадр сновидения, травматические сны, трансформация аффекта.

«Приснившийся сон дарит нам иллюзию, будто мы можем достичь того мифического места, где нет ничего несвязного: где реальное – воображаемо, а воображаемое – реально, где слово – это вещь, тело – это душа, одновременно тело-матка и тело-фаллос, где настоящее – это будущее, взгляд – это слово, где любовь – это пища, кожа – это пульпа, глубина – это поверхность, но все это расположено в нарциссическом пространстве. Желание проникнуть в сновидение, несомненно, служит ответом на страх, смешанный с чувством вины, – страх оказаться проницаемым для сновидения, – являясь защитой, и успешной защитой от кошмара. Но нет, глубокие воды сновидения не проникают в нас – они несут нас. Выходом на поверхность в бесконечно повторяющемся цикле – взаимопроникновении дня и ночи – мы обязаны сновидению: убежище тени в низине дня, яркое перекрестье лучей во тьме, пересекающее наши дни и ночи до того момента, который человечество всегда позволяло себе называть последним сном, мечтая в действительности о сне самом первом».
Дидье Анзье «Пленка сновидения»

3. Фрейд начинает свою 29-ю лекцию «Пересмотр теории сновидений» словами о том, что он желает обсудить, что нового и лучшего внесено в теорию психоанализа и прежде всего в теорию сновидений. В истории психоанализа она, теория сновидений, занимает особое место, знаменуя собой поворотный пункт, благодаря которому психоанализ сделал огромный шаг от метода лечения к науке – глубинной психологии. С тех пор теория сновидений остается самым характерным и самым своеобразным местом в психоанализе, «не имеющим аналогов в... прочих учениях, участком целины, отвоеванным у суеверий и мистики» (Freud, 1923, p. 23). И спустя несколько лет он скажет: «Необычность выдвигаемых ею утверждений превратила ее в пробный камень, с помощью которого окончательно определилось, кто смог стать приверженцем психоанализа, а для кого он так и остался навсегда непостижимым» (Freud, 1933, p. 253). Теория сновидений для него самого была надежным ориентиром в те времена, когда приходилось сталкиваться с непонятными явлениями в области неврозов, которые сбивали с толку, и в минуты сомнений в правильности каких-то выводов, и всякий раз, когда удавалось представить видевшему сон бессмысленное, запутанное сновидение как правильный и понятный душевный процесс, он снова обретал уверенность в том, что находится на верном пути. Таким образом, особо важным является именно на примере теории сновидений проследить, какие изменения произошли за это время, с одной стороны, в психоанализе и, с другой, какие успехи были достигнуты в понимании и оценке этой теории окружающими.

В «Толковании сновидений» (1900) Фрейд показывает, что сновидение, которое очевидно является квинтэссенцией процессов, протекающих в бессознательном, представляет собой продукт удивительно сложной творческой деятельности. Мы вправе рассматривать сновидение как

особую форму интеллекта. В процессе творения нового психического явления в виде сновидения происходят симультанно огромное количество психических действий: переживаемое в настоящее время по неведомым путям встречается с эндопсихическими данными из хранилища бессознательного; также регистрируются «психически ценные» переживания дня, они сортируются по мере их связи с вытесненными переживаниями и отправляются в своего рода пространство сна (названное Д. Анзье «кадром сновидения»), а затем организуются воедино тысячи проходящих сквозь жизненный опыт мыслей таким образом, что их можно было бы сновидеть. Сотворение сновидения – это не только замечательное творение человеческой психики, но, пожалуй, и самая сложная форма мышления. Сновидение способно за несколько секунд «показать» тысячи мыслей, и его потрясающая эффективность захватывает дух. В нем встречаются прошлое, настоящее и воображаемое будущее всего лишь в одной картине, и сновидение вбирает в себя огромный спектр неявных аффектов.

Сегодня, вооруженные многими знаниями, мы можем уверенно говорить, что бессознательное, сотворившее сновидение, не является ни примитивным физиологическим процессом, ни таким, чья деятельность ограничивается механизмами вытеснения и формирования симптомов, конфликтов или защиты. Ни топографическая, ни структурная модель не позволяют полностью концептуализировать невероятную бессознательную креативность, подразумеваемую сновидением.

На протяжении бодрствования мы получаем как от внешнего, так и от внутреннего миров постоянный поток сложных, взаимосвязанных впечатлений, как сознательных, так и бессознательных. Некоторые из этих впечатлений создадут внутренний конфликт из-за процесса вытеснения, а у конфликта иная психическая судьба. Работа вытеснения бесконечна, происходит постоянное возвращение вытесненного. Но один из парадоксов, из которых и состоит, похоже, вся наша психическая жизнь, в том, что вытесненное становится в какой-то мере вечным, становясь одной из самых живых частей нашей памяти. И, что самое важное в настоящем контексте, – вытесненное попадает в бессознательные периферии в уже проработанном виде, пережитый опыт подвергся процессу психизации.

Большинство из наших впечатлений, однако, останутся деталями дня, которые войдут в нашу психику, не отпечатываясь в сознании, поскольку они не попадают в зону наших текущих интересов. Такого рода переживания становятся частью нашего внутреннего мира, но не подвергаются процессу вытеснения. Лишь в своей второй теории Фрейд приходит к тому, что признает существование такого качества бессознательных представлений, и в статье «Я и Оно» пишет: «Мы видим, что Бсз не совпадает с вытесненным; остается верным, что все вытесненное является бсз, но не все бсз есть вытесненное» (*Freud, 1923, p. 101*). С этих пор Бессознательное будет рассматриваться как имеющее более широкий объем: вытесненное составляет всего лишь часть бессознательного. То есть данная часть психики принимает качественно новую форму и содержание. А в 1900 году Фрейд напишет знаменитейшую фразу:

«Сновидение есть царская дорога в бессознательное». В какое? Сегодня мы можем задать вопрос: в вытесненное бессознательное, то есть уже репрезентированное или же в то, которое так и не смогло перейти за пределы состояния «мнестических следов», осталось не психизированным достаточным образом, а следовательно, и не интегрированным в Я? И там же, в том же «Толковании...» (1900) Фрейд предлагает совершенно новое понятие, относящееся к психическому функционированию индивида, – понятие «психической работы». То был 1900 год, то есть не было еще достаточного осмысления такой психической формы, как инстанция Я. Сегодня же нам с вами известно, что почти вся психическая работа, проводимая на протяжении жизни человеком, ложится на плечи «бедного Я». Именно она, эта инстанция, призвана делать работу для сохранения психического аппарата в более или менее рабочем состоянии, и все душевные процессы, призванные смягчать опасности, нависающие над конкретной психикой, носят название «психическая работа». В дальнейшем кроме «работы сновидения» Фрейд опишет еще психическую работу горя и меланхолии, а более современные психоаналитики – психическую работу умирания (М. де М'Юзан), работу подростковости (Бернар Брюссе), «работу соматизации» (Клод Смаджа). То есть всех тех психических процессов, протекающих в Я при столкновении с такими переживаниями, которые в результате меняют внутреннюю экономику психики индивида. А пока что в «Метапсихологии» Фрейд дает более конкретное определение того, что он называет психической работой. «Психическая работа, или "сила Я", состоит в первую очередь в мобилизации нарциссического либидо для обеспечения сохранения единства Я» (Freud, 1937, р. 23). Потому что сохранение единства Я, его оберегание, является основополагающим и главным условием для сохранения и выживания психического аппарата в целом. Другими словами, все то, что является «психической работой», в итоге сводится к работе Я.

Наш внутренний мир, место психической реальности, неизбежно менее согласован и связан, чем наши представления о нем. Мешанина из обрывков мыслей, незаконченные визуализации, обрывки разговоров, воспоминания, позабытые образы, сексуальные желания, предчувствия, убеждения, неизвестные, но насущные потребности, расплывчатые намерения, мимолетные умственные прозрения, сожаления – можно продолжать и пытаться охарактеризовать сложность субъективности, и все же такое описание качеств мало проясняет эту реальность. Возможно, есть смысл остановиться подольше на том, что происходит внутри инстанции Я в таких случаях, как она формируется, то есть на том, что в современной теории носит название «психоанализ Я».

С теоретической точки зрения мы можем концептуализировать Я по-разному: как сумму внутренних представлений, как объект внутреннего диалога или как конгломерат сменяющих друг друга Я-состояний. Я присутствует в реальности, но всегда будет уклоняться от нашего понимания. В этом чувствуется аналогия со сновидением: оно существует как ограниченная сущность, со смыслами, которые рассеяны и распространяются в разных направлениях. В теории психоанализа понятие о Я

очень запутанно, поскольку оно колеблется от понимания Я как инстанции психического аппарата до Я как целостной психической совокупности личности. Я как инстанцию можно представлять тем способом, который предложил Фрейд в работе «Проект научной психологии» (1895): это система инвестирования на постоянном или относительно постоянном уровне. Я – это результат дифференциации части Оно под влиянием внешнего мира. Принятие реальности, либо выборочное, либо направленное механизмами проекции, требует установки относительно стабильного уровня инвестирования. Также можно представить Я как работу сети операций: восприятия, репрезентирования и идентификации. Последняя упраздняет расстояние, разделяющее объект (воспринимаемый или репрезентированный) и Я. Идентификация не только отчуждает, но и структурирует, благодаря тому что объект идентификации в своем функционировании уже достиг некоего уровня стабильности. Фрейд утверждает, что Я – это организация; этим Я отличается от Оно, которое таковой не является. Данная организация имеет связанный характер, ее энергия *десексуализированна* (Freud, 1925). Фрейд часто связывал различие между объектной инвестицией и нарциссической инвестицией с десексуализацией последней. В итоге направление влечений в сторону Я вызывает развитие нарциссизации только под прикрытием относительной десексуализации (как при сублимации), необходимой для функционирования Я. Но у этого процесса есть неизбежное последствие: Я становится уязвимым, хрупким, если его организация нарушится, оно сломается. Похоже, что таким образом измененная, десексуализированная энергия создает специфический аспект инвестирования Я: самосохранение, надежность своих границ и собственной связности, упрочнение структуры и т. д. Развитие нарциссизма гарантирует, что Я будет функционировать через любовь к себе, веря в самого себя. Здесь применимы различные установки: в них включаются константность инвестиций, свободная циркуляция энергии, ощущения своего отличия от объекта и разделения с ним, ограниченная пропускная способность собственных границ, способность сопротивляться вторжениям объекта и его случайным изменениям, внутренняя прочность, переносимость частичных и временных регрессий за счет способности воссоздать предыдущее состояние и др.

Это почти идеальное представление о Я. Оно имеет своей противоположностью нарциссическую гордость за свою независимость от объекта: самодостаточность, необходимость постоянного совершенствования, отклонение в сторону мегаломании и, наконец, захват воображаемыми идентификациями. Этот факт предоставляет основание для утверждения, что в основе Я лежит двойственность, выражаемая в том, что Я похоже на слугу, которым владеют несколько хозяев: Оно, которому Я должно поставлять реальное удовлетворение, Сверх-Я, которому Я должно подчиняться, и реальность, которую Я должно тестировать. Я находится в тисках между навязчивым стремлением к синтезу, оно связывает и объединяет Я с самим собой и – фактом своей зависимости от Оно – желанием стать единым с объектом. Когда обстоятельства мешают созданию такого

единства двоих в одном, Я остается только прибегнуть к идентификации, которая разрешит спор между Я и объектом.

Работа по интеграции психического опыта человека, начиная с самых его первых жизненных переживаний, проводится именно инстанцией Я, и данная работа протекает как наяву, так и во сне. Психическое развитие человека, его приспособление к миру, в который он волею непонятных сил попал, не знает остановки, протекает день и ночь и знает взлеты и падения, кратковременные удачи и болезненные периоды застоя или даже провала – и все это тот материал, с которым нам приходится сталкиваться в процессе аналитической терапии, с так называемыми нарциссическими страданиями и разочарованиями, последствия которых также пытаются разрешить сновидение. Мы с уверенностью можем говорить о том, что в сновидениях именно с этим спектром человеческих переживаний мы встречаемся, с тем, что остается вписанным в психическое со времен первых встреч субъекта со своим объектом. Крайне важно, каким образом произошла встреча между ними, что из этой встречи, возможно, стало для субъекта травмой, которую он будет пытаться перерабатывать всю свою жизнь, оживляя ее в навязчивых повторениях. Особо повторяются те травмы, которые переживались во времена, когда субъект еще не обладал достаточной способностью к синтезу, то есть все то, что происходило до появления языка, но субъекту был доступен доязыковой, телесный способ записи опыта и такой же способ коммуникации. У. Бион по поводу этого говорит в своих «Бразильских лекциях» (1973) следующее: «Единственное место, где я могу обитать, – это настоящее; следовательно, нет никакого смысла в том, что я помню о своем прошлом, за исключением того, что я не могу забыть то, что не могу вспомнить. Поэтому, если я не знаю, что такое прошлое, которое наполняет мой ум, я не могу забыть его» (Bion, 1973, p. 118). Говоря о травматизме, в работе «Человек Моисей» (1938) З. Фрейд пишет следующее: «Пережитые в раннем возрасте, впоследствии забытые впечатления, которым мы придаем столь большое значение, в этиологии неврозов мы называем травмами» (p. 124).

Там же приводятся три характерных для травмы качества:

- они имеют отношение к опыту первых лет жизни, впоследствии забытому;
- имеют сексуальное и агрессивное содержание;
- наносят ранний ущерб Я (нарциссические раны).

Он замечает, что, вероятно, невозможность вернуться к воспоминаниям и на них опираться объяснима тем, что они происходили в период до появления речи. В «Конструкциях в анализе» Фрейд (1937) выдвигает гипотезу о том, что в галлюцинации и в бреде могут возвращаться «те переживания, которые были в раннем детстве, затем были позабыты; нечто из того, что было увидено либо услышано ребенком в пору, когда он не был способен на речь», и, следовательно, они содержат «кусочек исторической правды» (Freud, 1937, p. 76). Повторение станет, таким образом, тому подтверждением и искаженным переводом событий, которые имели место в реальности и должны были стать предметом некой конструкции в анализе. С этой точки зрения реконструкция не может быть верной или полной,

что дало место гипотезе А. Грина (2000) об «активно трансформирующей памяти» и «взорванном времени»: воспоминание есть сборка воедино воспоминаний и/или фантазий о разных периодах раннего детства.

И если остаться на уровне «памяти о травматических событиях», то в той же статье Фрейд полагает, что пережитое в самом начале жизни, то, что ребенок видел или слышал в то время, когда он еще не мог говорить, из-за сил, сопротивляющихся возврату этих воспоминаний, может в настоящем быть представлено в сознании в искаженном и смещенном виде. В виде галлюцинаций при психозах либо во время сна – в образах сновидения. То есть тот опыт был записан навсегда и постоянно взывает к своей проработке. В том числе и главнейшим образом – в сновидении. Именно там протекает попытка усмирения того опыта, который до сих пор является содержанием навязчивого повторения индивида, и такой феномен способен также проявляться в виде повторяющихся незаконченных травматических сновидений и/или кошмаров. Говоря словами Биона, «непереваренная истина возвращается в поисках мыслителя» (Bion, 1973, р. 54). Бцион также предполагал, что функция сна может потерпеть неудачу, если пациенты страдают от травмы.

Когда Фрейд разрабатывал вторую модель психического аппарата, у него не было времени переработать всю теорию сновидений с новой точки зрения, и он удовлетворился пересмотром лишь некоторых моментов. Согласно первой теории влечений, выполняемая сновидением психическая работа распределена по трем уровням, по системам психического аппарата. Он предположил, что бессознательная активность связывает репрезентанты и аффекты с их влечениями и таким образом делает их воспроизводимыми. Предсознательное связывает словесные репрезентации и защитные механизмы с репрезентациями вещей и с аффектами, формируя из них символические конфигурации. А система сознательного восприятия, переносящая во время сна свою деятельность с проградидентного моторного полюса на ретроградидентный полюс восприятия, галлюцинирует эти конфигурации, и они становятся иллюзорной реальностью. Работа сновидения достигает своей цели, когда ей удается преодолеть следующие друг за другом две цензуры: одну – между бессознательным и предсознанием, другую – между предсознательным и сознанием. Если маска, под которой скрывается запретное желание, не обманывает вторую цензуру, человек просыпается в тревоге. Если бессознательные представления действуют в обход предсознательного и попадают сразу в сознание, результатом будет ночной кошмар. Сновидение реализует желания Оно в соответствии с принципом удовольствия, управляющим психическим функционированием Оно и требующим немедленного, безусловного удовлетворения влечений; сновидение также подчиняется стремлению вытесненного материала вновь вернуться в сознание. Сон реализует желания также Сверх-Я: если некоторые сновидения в большей степени представляют удовлетворение желаний, то другие скорее осуществляют угрозы. Сновидение выполняет желание Я, то есть желание спать, и делает это как слуга двух господ, предоставляя воображаемые удовлетворения

одновременно Я и Сверх-Я. Сновидение также реализует желание, относящееся к тому, что некоторые последователи Фрейда назвали «идеальным Я»: желание восстановить примитивное слияние Я и объекта, вернуть состояние симбиоза младенца со своей матерью. Если в бодрствующем состоянии психический аппарат подчиняется принципу реальности, сохраняя границу между Я и не-Я, между телом и психикой, принимая ограниченность своих возможностей, то в сновидениях он претендует на всемогущество и бессмертие.

Во введении к своей второй теории влечений Фрейд (1920) обсуждает посттравматические сновидения. Сегодня мы можем говорить о том, что данная модель сновидения применима ко всем невротическим структурам, а не является частным случаем травматического невроза. У таких сновидений другие функции, в первую очередь – восстановить (в кляйнианском смысле); оно восстанавливает нарциссизм, «чинит» внутренний объект, расколотый на части деструктивной ненавистью. Сновидение работает для того, чтобы Я было «выправлено», а также оно ищет пути избавления от внутреннего давления травматических опытов, которые обычно приводят к их компульсивному повторению. Можно полагать, что продукция так называемых повторяющихся, или типичных, сновидений является не чем иным, как попыткой репрезентации того опыта, что все еще остается для индивида травматичным. Ведь Фрейд несколько раз подчеркивает, что сновидение – это не более чем «форма мышления», «мысль, подобная любой другой». Травматизм имеет одну особенность – он всегда сопровождается ощущением неожиданности и неподготовленности и полностью наполняет всю психику. Такое состояние не дает возможности хоть как-то справиться, произвести разрядку. И, возможно, вследствие этого психика формирует типические, повторяющиеся сновидения, функция которых – остановить это вторжение, видимо, поэтому такого рода сновидения не вызывают у сновидца никаких ассоциаций. Их функция – фиксировать что-то, остановить травму. Ведь в нашем психическом опыте любое событие может стать травмой, потому что есть переживания, которые становятся травматическими лишь в связи с той манерой, которая была применена при репрезентации данного события. То есть травма становится таковой в связи с тем смыслом, который окружение дает или не дает этому событию. Формирование сновидения следует понимать не только как внутреннюю проекцию, но также и как поверхность для защиты, оно образует экран. Спящий человек обретает в подобном экране оболочку, защищающую его от чрезмерного возбуждения и повреждающей силы травмы. Это, конечно же, напоминает «оберегающий щит», ту мембрану, что Фрейд (1920) предполагает в метафоре с живой клеткой. Но если щит оберегает от внешнего, то экран сновидения защищает от внутреннего.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сновидение нынче не то, что было во времена Фрейда. Если раньше оно рассматривалось как способ реализации бессознательного желания, то сейчас оно скорее видится попыткой переработки, трансформации раннего травматического

психического материала, оставшегося в глубинах психического аппарата в нементализированном виде.

Другими словами, современная клиника переправляет нас с поля первичных объяснений Фрейдом сновидения как способа реализации инфантильного бессознательного желания, что осуществляется с помощью механизмов, свойственных невротическому способу функционирования, к тому, что вся работа Я, в том числе и работа сновидения, направлена на попытку трансформировать нементализированный первичный материал, полученный в довербальном периоде развития, и этот процесс руководствуется механизмами, более присущими неневротическому функционированию.

Теория сновидения началась со сновидений самого Фрейда и по сей день дополняется все новыми чертами, получаемыми также в работе с пациентами в первую очередь. Именно психическое содержание, вносимое во время аналитического процесса, дает новую пищу для размышлений о том, чем стали сегодня сновидения. Несомненно, что те сновидения, которые появляются во время анализа, имеют четкое назначение – быть услышанными аналитиками, что ставит перед нами уже новые вопросы: насколько тот материал, который разворачивается перед нами, имеет отношение лишь сугубо к нашему пациенту, а что появилось благодаря тому, что психоаналитик смог предоставить анализанту свою способность к трансформации (в бионовском смысле) всего того архаического материала, который оставался долгое время в неподвижных глубинах психики?

В связи с этим хотелось бы привести пример пациентки С. 38 лет, которая обратилась по поводу повторяющихся суровых депрессивных периодов, которые начались по выходе из подросткового возраста и привели ее сначала к психиатру, а от него – к психотерапевту. Ведущей травмой этой женщины была потеря матери в возрасте 3,5 года, смерть была скоропостижной и неожиданной для всех, в связи с чем, можно полагать, все члены семьи оказались в состоянии психической травмы и окружение ребенка было не в состоянии помочь девочке в переживании ею столь значимой потери. Опуская всякие другие детали, обращусь напрямую к ее повторяющемуся сну, который впервые появился примерно в 14–15 лет. «Она проезжает мимо железнодорожной станции, на которой она должна сойти, но поезд не останавливается». (Необходимо уточнить, что мать умерла во время путешествия, находясь в зале ожидания в здании вокзала.) Сон не был аффективно окрашен, единственное – вызывал неприятие своим назойливым повторением (два-три раза за год). В процессе анализа, который в целом длился семь лет, это сновидение стало меняться – появлялись новые детали в воспоминании о нем: вид здания, его фасад из серого гранита, появилась парадная дверь – высокая, торжественная. Слово «торжественная» привело к ассоциациям о торжествах, в том числе о торжествах погребения усопших, и открыло путь горевания, основная часть которого также иллюстрировалась сновидениями. Примерно спустя год появилось еще одно повторяющееся сновидение: «Она выходит из поезда и оказывается в очень красивом городе, по ощущениям – знакомый и «свой» город, но в котором она никогда не жила, идет по улицам, которые

кажутся ей знакомыми, ей нужно найти определенный дом, она заходит в разные подъезды, останавливается перед входными в квартиру дверьми, ощущая непреодолимое и щемящее ощущение родства с тем, кто может быть внутри... но всякий раз оказывается не там, не в том месте». А в ассоциациях появляется чувство потери – тоска, которая привела к появлению в сеансе слез впервые за три года работы. Как не вспомнить в связи с этим сновидением слова Фрейда о том, что потерявший близкий объект человек знает, **кого** потерял, но не знает, **что** он вместе с ним потерял. Важная часть субъективности пациентки была навсегда потеряна вместе со смертью матери. Кроме повторения у данного сновидения было еще одно важное качество, оно было очень длинным (субъективно), и пациентка не желала просыпаться. «Хотелось бы продолжать спать. Я больше нигде, только во сне ощущаю себя дома. Единственный мой дом там – во сне. Но тот дом – тоже не мой».

Таким образом, создается впечатление, что целью сновидения является временное прекращение желания, а не достижение удовлетворения, в конкретном случае – желание слиться с матерью. Также мы можем понять, каким образом «связывающая» функция сновидения зависит от способности его воспринимать и пересказать. То, что можно увидеть во сне, уже является чем-то, что я могу удерживать на безопасном расстоянии, а не только лишь увидеть со стороны. С. могла благодаря своим снам держать на расстоянии от себя и разглядывать как не относящееся к себе событие смерть матери. Смерти, как все мы знаем, нельзя смотреть в лицо. Еще спустя два года тяжелой и захватывающей своими открытиями работы и множества иного содержания сновидений пациентка видит следующее: «Вместе с отцом она преодолевает изнуряющий путь по пескам пустыни, подобной Сахаре. Вокруг никого и ничего, лишь пески, которые становятся все глубже с каждым шагом, и все тяжелее вытаскивать ноги из их всасывающей внутрь глубины. Когда силы почти на исходе, впереди обнаруживается вход в подземелье. Под песком начинается гранитная лестница, ведущая вниз, глубоко, в подземелье огромного размера. Это оказывается огромным залом, напоминающим мавзолей, в самом центре, на гранитном высоком постаменте стоит гроб такого же цвета, он сам похоронен под мраморной глыбой, на стенах этого подземелья, а также на постаменте иероглифами выбито в камне огромное количество слов, "целый роман" о том, чья это усыпальница». И она вслед за своим отцом начинает рассматривать эти надписи. Позже она остается одна и выходит из склепа на воздух, а вокруг есть люди. Все напоминает восточный рынок». Аналитик в свою очередь на рассказ пациентки дает следующую реплику: «Глыба мрамора, из-под нее не выйти ни умершему, ни чувствам». То было сновидение, которое открыло новый путь к вытесненным, отрицаемым, нементализированным переживаниям, сделало возможным приближение к ее амбивалентности по отношению к обоим родителям – к умершей маме, но также к отцу, в присутствии которого мать умерла. Данный факт был мне неизвестен до появления последнего сновидения. На протяжении нескольких месяцев элементы данного сновидения появлялись в том или ином виде в материале сеанса и позволяли касаться как

идеализации и возведения в ранг памятника умершей/бессмертной матери, так и противоречивых чувств к столь желанному, но неприкасаемому отцу. О том, что отцовский образ оставался таким же недоступным, свидетельствовала и манера, в коей проходила работа со сновидениями на сеансах. Пациентка не позволяла своему аналитику касаться их содержания собственными словами. Известно, что интерпретация сновидения имеет отцовскую природу. Интерпретации часто избегают, заранее оспаривают ее, как будто боятся, что интерпретация может лишить содержания сновидения. Верно и то, что интерпретация в целом – это «символическая рана». Отцовская природа интерпретации видна и в том, что даже при желании выразить ее иносказательно она выступает редуцирующим агентом по отношению к множественному смыслу образов: она вводит законы о бессмысленном и в бессмысленном (*D. Anzié, 1993*); наконец, слова аналитика проникают в сексуальном смысле в тело сновидения, которое само по себе является проникающим.

Длительный аналитический процесс позволил пациентке присвоить себе те аффекты, которые были надолго погребены вместе с безвременно ушедшей матерью в атмосфере безмолвия по поводу причин и обстоятельств смерти, что лишь поддерживалось в семье мифом об исключительных качествах этой молодой женщины – идеальной дочери, идеальной жены, идеальной матери. Потерянная личная история пациентки смогла реорганизовываться благодаря тем психическим процессам, которые развивались в аналитическом пространстве, в том числе и по причине того, что это пространство с определенными качествами, позволяющими появление новых возможностей, в том числе в процессе сновидения и через появление того, что было названо Д. Анзье «кадром» сновидения, то есть такого образования, в которое можно вписывать и фиксировать исходящие из бессознательного импульсы. Ведь «дело сновидения», как и любое другое обыденное «дело», требует «места» для его проведения. Анализанты знают: их личный анализ – место, где о сновидениях говорят, потому что там появляется сотворенная из двух психик особая поверхность, на которую можно накладывать разными мазками краски изображения фигур сновидения и обходиться с ними так, как того захочется, – позволять рассматривать или держать на расстоянии, в запасниках. Некоторые пациенты требуют, чтобы к их сновидениям не подходили слишком близко, чтобы тело сновидения не трогали руками, они не желают, чтобы «репрезентации вещей» находили свои «словесные репрезентации». Один из пациентов Д. Анзье говорит: «Это сновидение в большей мере приносит мне удовольствие, чем интересует меня. Оно как картина, составленная из кусочков, коллаж». Такая аналогия с картиной ставит вопрос о месте сновидения – его пространстве, имеет отношение к тому, что пытается очертить нарисованная сном картина. Тут появляется представление о сновидении как о киноэкране – даже если клинические эксперименты изредка сталкиваются с «пустыми сновидениями», как определяет их Левин (*Lewin, 1953*). Наблюдения Левина указывают, что каждый образ сновидения проецируется на особый экран, что предполагает пространство для изображения. Суть не в том, что сновидение разворачивается как

фильм и может принимать форму любого кинематографического жанра, а в том, что не может быть фильма без экрана, как и постановки без сцены, картины без полотна или рамки. Фрейд заметил, что один из приемов, используемых работой сновидения, состоит в следующем: «мысли сновидения» могут быть представлены только в виде зрительных образов. Похоже, что есть сходство между усилиями художника, который в течение долгого времени наносит на холст краску, прежде чем достигнет ожидаемого результата, и работой сновидения, между этими двумя процессами существует глубокое соответствие, на что указывает в своих работах К. Боллас. А пока давайте рассмотрим следующую гипотезу: сновидение не может функционировать согласно своей собственной логике до тех пор, пока не определится пространство сновидения. По сути, оно есть следствие сложных и разнообразных переносно-контрпереносных движений, результатом совместного – аналитика и анализанта – всматривания и вслушивания в нечто отсутствующее, постоянно ускользающее и остающееся всегда на горизонте. Но такое соучастие зачастую дает ощутимые плоды в виде нового качества сновидений, как в случае с моей пациенткой. Мы вправе говорить о том, что симметричным ответом аналитика на свободное ассоциирование анализанта является особое состояние его психики, отмеченное Фрейдом как «свободно плавающее внимание», ведущее к тому, что аналитик в сеансе может находиться в особом «состоянии сеанса», названном так С. и С. Ботелла и характеризующемся способностью к регрессии, как топической, так и формальной. По мнению авторов, именно данное психическое функционирование аналитика становится гарантом появления пространства сновидения и возможности подхода к пониманию его латентного содержания. К тому самому материалу, который относится к «памяти без воспоминаний» (С. Botella, S. Botella, 2012). Пока сам аналитик не поймет в истории своего анализанта некие события, последний не сможет вступить в собственную инфантильную историю, интегрировать свой «доисторический» опыт. Лишь вклад аналитика в работу по пониманию конкретного сновидения смог послужить эдиповым аттрактором. Работа с материалом сновидений привела к способности репрезентирования отчаяния пациентки, окрашенного вначале серыми красками скорбного гранита, но содержащего в себе все изобилие цветов восточного базара, смогла пробудить прошлое, которое оставалось без образа и отсутствовало как в аналитических отношениях, так и в жизненных отношениях анализантки. Говоря словами С. Ботелла, «регрессионность сновидения тклет канву, на которой работа фигурабельности вышивает явные узоры цветными нитями, присущими детской сексуальности» (Botella, 2020).

В знаменитом фильме Кристофера Нолана «Начало» герой Ди Каприо говорит, что если не можешь вспомнить, как ты оказался в том или ином месте, значит, ты сейчас находишься во сне. Мы можем говорить о том, что, похоже, сон и дается нам для того, чтобы понять, как мы оказались в том или ином месте нашей человеческой жизни. Человек, обладающий психикой, все одно есть частичка Вселенной и относится к так называемым открытым системам, то есть к таким системам, которые обмениваются

энергией или веществом (в интересующем нас варианте – информацией), а это означает, что любая попытка понять их функционирование в рамках старых научных парадигм заведомо обречена на провал, к нему больше подходит размышление в парадигме теории хаоса. Кроме того, открытый характер подобных систем наводит на мысль о том, что реальность – не то место, в котором царят порядок, устойчивость и равновесие, будь то реальность физическая или психическая. Главную роль в том мире, в котором проистекает наша профессиональная активность, играют неустойчивость и неуравновешенность. Порядок и организованность могут возникнуть из хаоса спонтанным образом, в результате самоорганизации. Возможно, что организация сновидения и является примером такой самоорганизации внутри аппарата, который, по словам Биона, развивается всю жизнь (*Bion, 1965*), имеет своей целью развить способность управлять эмоциональными переживаниями, но работа которого регулярно проваливается в стремлении достичь совершенства и названного им *dreaming work alfa*. Может быть, сама способность творить и видеть сны и есть то самое искомое совершенство?

Ответ за нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анзье Д. Я-кожа. Ижевск: Ergo, 2011.
2. Aisenstein M. (2010) Les exigences de la représentation. RFP LXXIV, 5.
3. Bergeret J. (1974) La personnalité normale et pathologique. Paris. Dunod.
4. Diatkine R. (1974) Introduction au Rapport Rêve, Illusion et Connaissance. RFP 38, 5–6, 785.
5. Donnet J.L. (1995) Le divan bien tempéré. PUF.
6. Fain M. (1984) Langages. Les Belles Lettres.
7. Fedida P. (1987) L'absence. Gallimard.
8. З. Фрейд. Психология бессознательного. М., ООО «Фирма СТД», 2006. 306 с.
9. З. Фрейд. Человек Моисей. Психология религий. М., Академический проект, 2007. 124 с.
10. Green A. (1973) Le Discours Vivant, 229. Le fil rouge.
11. Green A. (1975) The Analyst, symbolisation and absence. IJP, 56.
12. Green A. (1986) The Borderline Concept in On Private Madness. Hogarth Press (p. 60–83).
13. Green A. (2000) Répétition, Différence, Réplication. In La Diachronie en Psychanalyse. Les Editions de Minuit.
14. Ody M. (1999). A propos de la notion freudienne de représentation limite. RFP LXIII 5.

The path of dreams: from the fulfillment of an unconscious desire towards the transformational process of creating meaning

A.I. Korotetskaya

Korotetskaya Aurelya Ivanovna – psychoanalyst, member IPA.

The psychoanalytic theory of dreams was presented the first theory of the drives of Freud and she wasn't fit enough to the new topographic model the model and the new clinic, which is dominated by self – destructiveness and destructiveness. The mechanisms of dreaming are presented to a greater extent visual ability the dream process. Ability to translate thoughts into visual images, perception, sense, mnesic traces, what allows the subject to integrate into his own self his "memory without memories".

Keywords: dream work instance I, egredientes, mental trauma, transformation of affects, a frame dreams.